

– Вот что, старики, вы оба люди пишущие, но критиками еще не тронутые, как я. Не битые. Будете в Новосибирске, в книжном издательстве, обязательно познакомьтесь с Селькиной Диной Григорьевной. Она, можно сказать, меня на ноги поставила. Муза-хранительница...

Показал выходные данные: да, она, редактор...

... Пересматриваю роман Молостнова сегодня. Отличный язык, четкая композиция, индивидуальность героев, трогательные сцены. Автор автором, но, как понимаю, и редакционно-издательское участие тоже на месте...

Первый порог Издательства, который я, в ту пору первокурсник медицинского института, переступил, оказался в буквальном смысле и самым высоким: в ту пору оно помещалось на шестом этаже приютившего редакцию здания треста «Запсибзолото». Помещение представилось мне подчерданным – с предыдущего этажа туда почему-то вела крутая, непохожая на все остальные, лестница. Лифт отсутствовал.

В тот час довелось мне случайно стать свидетелем знаменательного события.

Сидели над моими стихами с редактором отдела поэзии Нинелью Созиновой. В тесном помещении стояли ещё столы, за ними сотрудники. Мимо в смежный кабинет, не глядя по сторонам, быстро прошла совсем молодая женщина, одетая в строгий, официальный костюм, коротко стриженная, темноволосая, с лицом, крайне озабоченным, пожалуй, даже обеспокоенным. Вслед ей между столами пробежал сочувственный шепоток, скорее всего для чужих ушей не предназначенный. Но на меня внимания не обратили, и мне довелось услышать следующее: «Вернулась из обкома. Поставили-таки директором.» «Согласилась?» «А как было отказать?» «Нина справится, и мы ей поможем. И обком – коли утвердили...»

Так Нина Сергеевна Семаева обрела портфель, с коим довелось ей не расставаться до самой пенсии.

Годами собираю материалы по истории Издательства. Причина сугубо личная: в свое время именно оттуда вышли в свет не менее половины из двух десятков моих книг.

Со мной занимались разные редакторы, неизменно требовательные, досконально знавшие свой и мой предмет, любившие литературу, как самих себя. Обстановка, повторяюсь, была предельно серьезная, товарищеская, изменения в обсуждаемом тексте всегда принимались по согласованию, никто не навязывал своего мнения, но и заноситься особенно не приходилось – ни маститым писателям,

Время беспощадно уносит тех, с кем оно же, время, породнило и сблизило. Одна за другой произошли две утраты: скончались старейший редактор Издательства Дина Григорьевна Селькина и его бессменный директор Нина Сергеевна Семаева.

О них вспоминают писатели, редакторы, а также родные и близкие.

Осиротело личное пространство

На моей памяти с 1960-х годов Издательство дважды сменило название – из «Новосибирского государственного областного» стало сначала «Западно-Сибирским книжным», затем «Новосибирским книжным». Волей начальства пять раз перемещалось по центру нашего города. При этом Нина Сергеевна всегда, как правило, умела оставаться в тени, но в том, что коллектив, меняя адреса, никогда не проигрывал в комфорте, безусловно её заслуга. Неизменным оставались тёплый климат, отсутствие склок и свар, доброе, дружелюбное отношение к авторам, квалифицированная, деловая им помощь.

Первые о той роли, что может играть в писательской биографии встреча с компетентным редактором, я услышал в конце пятидесятых годов. Трудился тогда в молодежной газете в Кемерово. Был случай: в редакционном кабинете сидели с моим другом поэтом и тоже газетчиком Валентином Махаловым, читали друг другу только что сочиненные стихи. Приятное, осмелюсь доложить, занятие...

Вошел писатель Геннадий Модестович Молостнов. Послушал, одарил нас, – как показалось, не без доли скепсиса, – улыбкой. Показал свою, только что изданную книгу «Междуречье». наших стихов напрямую не задевал. Хотя и сказал со знанием:

ни начинающим, едва оперившимся литераторам. Дина Григорьевна меня не редактировала, но это ничего не значит, всего лишь пару раз переговорив с ней, я уже чувствовал, что и переживаем, и мыслим на одной волне. И что, насколько позволяет обстоятельность, подружимся.

В последние годы она, уже не работая, отвечала на мои вопросы, всегда исчерпывающе, полно, делилась деталями биографии и воспоминаниями о коллегах – редакторах и писателях, – которые тоже ведь становились ее деловыми, а то и личными товарищами, иной раз и друзьями. Память ее с годами, по-моему, не только не слабла, но наоборот – крепла и не утрачивала достоверности при обсуждении всего массива информации и любых малейших деталей. К себе не приглашала, ссылаясь на нездоровье, но длительные беседы по телефону могла вести столько времени, сколько требовалось для того, чтобы досконально осветить события и встречи, некогда пережитые ею.

Я, разумеется, старался не злоупотреблять терпением Дины Григорьевны. Звонил, как мне представлялось, в исключительных случаях – советовался по некоторым моментам своей работы над новыми книгами – из тех, что выпускались уже другими издателями. Сообщил об окончании романа о взлетах и падениях одного известного мне заводского коллектива, услышал, что и она в юности была причастна к подобным сюжетам: работала в Бердске в период становления тамошнего радиозавода, какое-то время жила в этом городке после эвакуации из Воронежа, поддерживала отношения с лучшей подругой, там приобретенной.

...В начале войны, слыша сообщения о наступлении немцев, взяла линейку, по карте вычислила расстояние от границы до Воронежа и сделала заключение, что уж туда-то враги не долетят. Ровно через восемь дней начались бомбежки. В эвакуацию много вещей брать с собой не разрешалось. Мать надела на нее два платья, захватила еще что-то необходимое для жизни – и бегом на вокзал...

- В шестом классе безумно полюбила театр. Читала соответствующие мемуары. В 43-ем поступила на театроведческий факультет. В это время из Томска переехал Пушкинский театр. Их прежде перевели в Пятигорск – считалось, там безопасно, а потом уже в Сибирь. Из Томска стали проситься в Новосибирск. Перебрались. Ходили все в телогрейках, и я, естественно, тоже. Мы с группой занимались в помещении театра, в директорской ложе.

(Вставлю ремарку: телогрейка, иначе ватник – удобное, тёплое, добротно, иногда даже с претензией на шегольство,

сшитое одеяние, демократическое по тогдашней бедности. Ибо без всякого стеснения носилось каким-нибудь малолетним школьником и его учителем, а также простым работягой, и прорабом, и начальником заводского, продуваемого ветрами цеха, равным образом мужчинами и женщинами).

Самым ярким переживанием тех лет запомнился Иван Иванович Соллертинский! О выдающемся музыковед, писателе, близком друге таких светил культуры, как Иракий Андроников и Дмитрий Шостакович, рассказывала с восторгом и спустя десятилетия.

- Я отмечаю день его рождения 3 декабря, день смерти 26 февраля. Хоронили из филармонии, какое-то время находившейся в теперешнем Доме актера... У Ивана Ивановича был сын, маленький, звали, естественно, Дима, в честь Шостаковича. Мать его – балерина... Читал лекции актерам. Мы сбежали с занятий. Как-то накопилось много пропусков. Вызвали к декану, кричал, грозил. Умолк. «Ну, и куда вы сбежали?» «К Соллертинскому!». «Прощаю. Но и преподавателей не обижайте своим отсутствием». Афиши с упоминанием о нем – мы их срывали, долго потом хранили. Если умер Иван Иванович, то всё, прекратилась работа в филармонии...

О начале работы в издательстве Дина Григорьевна вспоминала так:

- Я была младшим редактором в научном журнале. Выписывала, сверяла формулы. Перейти в Издательство окончательно меня уговорила Стюарт. Ослушаться побаивалась, потому что считала ее старшим товарищем, привыкла во всем Елизавете Константиновне доверять. Сказала: «У вас получится».

Конечно, я очень старалась. Рукопись читала четыре раза. Делала нужные замечания. Думала: что автор скажет? А автор ждал, что я скажу...

Январь, февраль, март, апрель – ждала, что вызовет директор и скажет: «Вы у нас не можете работать». Не сказал.

К сожалению, преклонный возраст заставил Дину Григорьевну значительно ограничить круг личного общения. Она практически не покидала квартиру. Признавалась: спускаться и подниматься по лестнице становится всё тяжелей. Зато практиковала контакты по телефону. Могла и сама позвонить, чтобы поделиться своими переживаниями, обсудить важный для нее вопрос. Охотно рассказывала о любопытных подробностях общения с писателями, дружбы с ними.

Запомнился один из самых последних разговоров. Звонила сама.

- Здравствуйте. Дина Григорьевна... Сегодня 15 лет со дня смерти Юрия Ми-

хайловича Магалифа. Очень мужественный, добрый человек. Из лагеря возвратился в 46-м году. Работал в филармонии. Читал со сцены сонеты Шекспира. На выступлениях ставил стул перед собой. Спросила: – Зачем? – Заплаты на брюках... Любил детей, делал подарки.

Один раз он зашел в издательство с прозаической рукописью. Поговорили, сколько требовалось. Уже уходил, разговаривали стоя. В это время у меня был внук, возился с игрушками на полу. Вел себя идеально. Встали. Сказал Юрию Михайловичу: – Ананья. – До свиданья, значит, пора уходить.

Дружбы с литераторами завязывались на основе общих интересов.

Симпатизировала, сочувствовала, например, Ларисе Кравченко, писавшей о драматических судьбах русских эмигрантов первой волны. Морально поддерживала писательницу в ее борьбе за публикацию романов в СССР. Ибо Лариса была в числе тех, кто возвратились на родину из Харбина после смягчения отношения к ним на родине, и, по словам Дины Григорьевны, десять лет ее не пускали к читателям.

– Мы в течение 10 лет хотели опубликовать ее роман, но на обращения издательства комитет отвечал сразу: «Издание романа Кравченко считаем нецелесообразным». Хотя в «Сибирских огнях» напечатали, и небо не дрогнуло. После приезда в страну попала на целину. Часто не понимала языка, а как его понять, если это был мат... Была высокая, стройная, любила хорошо выглядеть...

Зарубежные группы в виде ассоциаций харбинцев не признавала. Съездила в Австралию – осталась недовольна. Был день – Лариса пригласила на собрание местной ассоциации. Всё выглядело так, как иные, подобные, местные организации. Стол, красное покрытие, графин с водой. Бывшие эмигранты по-особенному разговаривали.

Тем не менее на похоронах одна дама, проходя мимо, сказала: «Она – наша».

После ее смерти не осталось никакого архива. Отмечался юбилей, я с ней для этого ходила в областную библиотеку. Романы популярны, целые сборища читателей. Первый вопрос: как они (бывшие харбинцы) одеваются? – Никак!.. С работы уходишь в шесть часов. Не всегда есть время очень-то заниматься собой. Живём, как все.

Но все-таки одеваться красиво любила. А я шила, помогала ей не отстать от моды. Вообще Лариса любила сборища праздничные. С интересом посещала Дом Цветаевой. Опять спрашивали: – Как там одеваются?

С годами понимаю, как прав был когда-то кемеровчанин Геннадий Молостнов: она, казалось бы, простой редактор, рядовая литературного производства, в сложных обстоятельствах прохождения книги нередко оказывалась подлинной музой-хранительницей для многих и многих. Потому что изреченное (написанное!) слово чувствовалась, как мало что чувствовал. Не терпела косноязычия. Учила редакторскому умению других. Глубоко понимала душу писателя, его профессиональные переживания и заботы. Одинаково ориентировалась в любом литературном времени. К ее столу, как бы оживая, входили давно забытые и возрождаемые энтузиастами-книгоискателями дореволюционные литераторы: Иван Куцковский, Антон Сорокин, описывавший первые советские годы Алексей Гарри. Ее глубоко уважали и по-настоящему любили видные прозаики Тамара Калёнова, Юрий Магалиф, Владимир Сапожников, Григорий Федосеев, популярные поэты Леонид Решетников, Александр Смердов, тот же Юрий Магалиф, с ней первой свежими новостями делился часто бывавший в Москве выдающийся литературовед Николай Яновский... Всех не перечислить.

Однажды, в конце 70-х годов случилось происшествие, ставшее решающим в моей литературной судьбе. Уже прошла редакционную подготовку одна из первых моих книг «Бахус и Антибахус», где в очерковой форме рассказывалось о деятельности системы антиалкогольной помощи, развивавшейся в ту пору в Советском Союзе. Я был одним из первых наркологов недавно созданной службы, много публиковался в СМИ, выступал в различных аудиториях, словом, достаточно познал предмет и, очевидно, был в состоянии заинтересовать людей своими сообщениями. Исходя из этого, Издательство включило мой опус в тематический план. О предстоящем выходе издания размещалась реклама, в том числе на подверстке в далеких от моей тематики книгах других авторов. Казалось бы, оставалось только включить типографский станок, чтобы затем забрать упакованный тираж и разослать для распространения по магазинам и библиотекам. Как вдруг...

Только что провёл приём в медицинском вытрезвителе, тороплюсь в заводской пункт наркологической помощи, там встречают: «Вам надо срочно позвонить в поликлинику.»

О сотовой связи не мечталось даже в самых смелых прогнозах писателей-фантастов. Звоню с заводского коммутатора. Слышу: «Вас просят связаться с Изда-

тельством». Связываюсь. «Это Нина Сергеевна. Можете сегодня до конца дня быть в Издательстве?» «Если нужно...» «Очень нужно. Жду.»

Сворачиваю дела, откладываю на завтра те, что в состоянии подождать. Приезжаю. «Садитесь. Читайте!».

Рецензия из Москвы. Главная контролирующая инстанция. Эксперт – врач из наркологической клиники. Разгром: «Где он нашел такие вытрезвители?.. Причем здесь милиция? Он врач или кто-то другой?..»

«Что скажете?» «Не очень связно. Однако вполне понятно, что почему-то хотят резать рукопись.» «У нас есть два месяца. Напишите новую книгу. Материала, надеюсь, достаточно?» «С верхом.» «Машинка в порядке?» «Ещё не доломал. А редакция не задержит?» «Редактуру беру на себя. Кажется, навык ещё не утратила. Они там проволочили с отзывом, а за план Издательства отвечаю я. Срывать не намерена.»

С планом, понятно, мы справились...

Скромные, беззаветные труженицы литературы. Дорогие, незабвенные коллеги Дина Григорьевна Селькина, Нина Сергеевна Семаева, всегда буду чтить вашу память.

Борис Тучин, писатель